



В. С. ВОРОНИН

Философия истории и многозначная логика в последних романах М. Горького*

Открытием марксистской философии истории стала концепция ускорения хода исторического процесса. Говоря о развитии капитализма в России, В. И. Ленин заметил, что «превращения, занявшие в некоторых странах старой Европы целые века», в России потребовали лишь десятилетий¹. Называя Брестский мир «нашим Тильзитским миром», он высказал предположение, что поскольку в XX в. история движется немножко быстрее, чем во времена Тильзита, она и отменит Брестский мир раньше². Тильзитский мир просуществовал 5 лет, Брестский — 8 месяцев. Из этого и некоторых других замечаний Ленина следует, что история воспринималась им как все ускоряющийся процесс изменений, примерно с десятикратным ускорением за девятнадцатое столетие. Но упование на все убыстряющийся темп изменений в одном и том же русле всегда грешит односторонностью, грозит сведением многозначной логики истории к однозначной самой собой катящейся эволюции. По мысли И. К. Кузьмичева, «все крупные эпические произведения Максима Горького... по своему содержанию и структуре во многом не отвечают нормам классического романа». Отвергая любовь и случай в качестве основных движущих сил художественного мироздания, исследователь говорит о «властном дыхании истории»³, пронизывающем эпос Горького.

Мы без труда разглядим идею ускорения в «Деле Артамоновых», отразившем общие тенденции капиталистического развития России.

* Впервые: Вестник Волгоградского ГУ. 2008. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. № 7. С. 15–21.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.

² Там же. Т. 35. С. 240.

³ Кузьмичев И. К. Максим Горький и роман XX века // Горьковские чтения — 1980. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. С. 7–8.

Возвратившись из Москвы, зачинатель всего дела Илья Артамонов поучает сыновей: «Дела наши должны идти, как солдаты. Работы вам, и детям вашим, и внукам довольно будет. На триста лет» (XVIII, с. 135)⁴. На самом же деле на внуков уже не хватило. И даже дети изменились и переменились. Хронологически роман охватывает более полувека: от «года через два после воли» до Октября 1917-го. Рядом же завершится примерно трехсотлетний срок династии Романовых. Мыслимое на сотни лет вперед дело отменило его устроителя и продолжателей в течение нескольких десятилетий. Это примерно та же оценка ускорения, что и у Ленина, правда, меньшая.

Похожесть каждодневного бытия главный герой последнего романа Горького фиксирует так, что выявляется какая-то скрытая компонента: «все это дано надолго, может быть, навсегда, и во всем этом скрыта какая-то несокрушимость, обреченность» (XXII, с. 223). Возможную однозначность мира, данного навсегда, отменяют две последние характеристики, противоречащие друг другу. И так как обреченность может сказаться в любой момент, в наблюдении Клима явственно проступают три ипостаси времени: вечность («навсегда»), долговременность («надолго») и кратковременность («обреченность»).

Как известно, между третьей и четвертой частью прощального горьковского романа существует хронологический сдвиг. Четвертая часть «начинается по времени действия с лета 1906 г., в то время как третья часть кончается событиями лета 1907 или даже 1908-го. Объясняется это тем, что автор предполагал переработать третью часть, перенеся в нее часть материала из четвертой» (XXIV, с. 579). Однако сдвигов относительно реального времени и в третьей, и в четвертой части горьковского повествования более чем достаточно. Так, в третьей части Марина, прибывшая из Петербурга, сообщает Климу новости апреля-мая 1906 года, а сразу же после свидания с нею Клим встречается с Безбедовым, которого «вот сейчас Муромская загоняла в союз Михаила Архангела» (XXIII, с. 252), возникший только в 1908 г. после раскола черносотенной организации «Союз русского народа». Далее во внешней исторической канве — снова события 1906 г., связанные с резкой реакцией партии кадетов на декрет о роспуске думы. В начале четвертой части к самоубийству неприкаянного купца Лютова в августе 1906 г. добавляется реальная история о тройном самоубийстве, имевшем место в октябре 1910-го.

Вряд ли здесь можно обойтись ссылками на забывчивость или творческий цейтнот писателя. Объяснить все хронологические сдвиги

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Горький М. Полн. собр. соч.*: в 25 т. М., 1973, — с указанием тома и страниц в скобках.

предполагавшейся переработкой попросту невозможно. Свобода художественного воображения? Да, конечно. Мешает только подзаголовок произведения «Сорок лет», нацеленный на соответствие реального и художественного времени. Но, сохранив это соответствие в целом, в некоторых частностях Горький отступил от данного принципа. Скорее всего, перед нами художественно намеренная ахроникальность, должна быть замеченной, с тем чтобы передача турбулентности временного потока, схватывающая в единое целое прошлое, настоящее и будущее, стала более явственной.

Присмотримся к персонажам, которые исчезнут в щели времени между третьей и четвертой частью горьковского романа: это пышущие здоровьем Марина Премирова и ее племянник Безбедов, данные будто бы надолго, но на самом деле обреченные на гибель. Один из персонажей — мнимо умерший, а потом воскресший, чтобы погибнуть, прокурор Тагильский — уверяет, что «начало и конец жизни — в личности, а так как личность неповторима — история не повторяется» (XXIII, с. 95). Но вся его собственная жизнь — типологическое самоповторение. А его утверждение, относящееся к философии истории, тоже не остается без ответа в романе. Личность, дела ее и поступки вполне повторимы. Горький сейчас же начинает выстраивать серию повторяющихся лиц и событий. Восстание потерпело поражение. На вопрос Клима, «что же теперь будет делать партия», Гогин отвечает: «То же самое, конечно...» (XXIII, с. 112–113). В данный момент Гогин революционер. Ну а Клим? Он уезжает из Москвы в Русьгород (название несет определенный символический смысл) с последним поручением от революционеров. И так, все повторяется, но повторение носит абсурдный характер с намеком на фантастический успех.

Внешняя маска протестанта и революционера активно влияет на мироощущение Клима. Инерция недовольства окружающим приводит его к выводу, что революция продолжается и «не может быть кончена, пока не перестанут пытаться» (XXIII, с. 150) его «я». А с концом революции Самгин согласился еще в Москве. И опять в этом случае индивидуалист Самгин относит себя к одному из тысяч и тысяч возмущающихся именно таким образом. Внешне он причисляет себя к определенному единству, а внутренне ощущает свою разноразличность из многих людей, ссорящихся между собой и следящих друг за другом.

Достается и здравому смыслу. Наблюдая людей, спешащих на панихиду по губернатору, Клим вспоминает слова здравомыслящего и уже убитого провокатора Митрофанова об оживлении людей убийством. Нормальная реакция, выраженная в народном поверье, что встреча с покойником — к несчастью, обращена здесь в свою противоположность. Необычность, «вывихнутость» самого исторического времени

постоянно подчеркивают и другие персонажи романа. Друг детства Дронов, ставший к этому моменту заместителем редактора в «Нашем слове», сообщает Климу, что по отношению к революции действует не двоичная логика принятия решений, а троичная: «Одни командуют: раздувай огонь, другие — гаси его! А третьи предлагают гасить огонь соломой...» (XXIII, с. 158). Самгин еще раз вернется в Москву и снова повторит путешествие в Русьгород. Это удвоение приведет к противоречивости временного порядка: «У него сложилось такое впечатление, как будто поезд возвращает его в далекое прошлое, к спорам отца, Варавки и суровой Марьи Романовны» (XXIII, с. 212).

В «Деле Артамоновых» ровно в три поколения определяет Горький биогенетический заряд первоначального импульса нового дела, внуки Ильи бросают и передают его или начинают заниматься другим. «Жизнь Клима Самгина» отводит основным своим капиталистам срок поколением меньше или вообще оставляет их без детей. Впрочем, это относится и к революционным делам. И трудно отделаться от впечатления, что автор «философско-исторических эпопей» (так определял жанр последних больших эпических полотен Горького Е. Б. Тагер⁵) многое предвидел и в нашем читательском времени. «В Москве дела — огнем горят!» (XVIII, с. 137) — похвастается Илья Артамонов. Но непременно атрибутами огня оказываются дым и угар, и поэтому смерть первой внучки Ильи, родившейся в день Елены Льяницы, от угара пророчит гибель самого «дела». Гибель оказывается продуктом стремительного «огненного» развития. И в самом начале «Жизни Клима Самгина» символической сценой гибели детей, стремительно катящихся по реке на коньках, «как по воздуху», «к разбухшему красному солнцу» (XXI, с. 85) Горький подчеркивает гибельность сверхбыстрого движения к будущему.

Обратившись к самому началу романа «Дело Артамоновых», без труда обнаружим подобные «гибельные» противоречия двузначной логики. Основная оппозиция начала романа — горожане и пришлые Артамоновы — вроде бы разрешается торжеством пришлых строителей текстильной фабрики. Во время первого разговора зачинателя «дела» с городским старостой города Дремова Горький подчеркивает не только внешнюю, но и внутреннюю противоположность собеседников:

«— Лен мужики наши мало сеют, — раздумчиво сказал Баймаков.
— Заставим сеять больше.

Голос Артамонова был густ и груб, говорил он, точно в большой барабан бил, а Баймаков всю жизнь ходил по земле тихо, как будто боясь разбудить кого-то страшного» (XXVIII, с. 97). Баймаков только

⁵ Тагер Е. Б. М. Горький // История советской литературы: в 4 т. Т. 1. М., 1967. С. 234.

фиксирует положение вещей, Артамонов готов изменить его в свою пользу. Однако с «заставить» получилось по-другому. Старые ткачи «научили его посоветовать крестьянам сеять лен по старопашням и по лесным пожогам, это оказалось очень хорошо» (XVIII, с. 144). Т. о. Илья использует не только физическую силу и умелость своих рабочих, но и их ум и знания.

А после состоявшегося знакомства Евсей Баймаков признается жене: «Думается, человек этот пришел сменить меня на земле». Дума эта оказывается пророчеством: «Через пятеро суток Баймаков слег в постель, а через двенадцать — умер...» Таким образом, логика взаимодействия противоположных характеров допускает лишь временное сосуществование противоположностей. Ведь происходит как бы соединение противоположных начал подвижного Ильи и неподвижного Баймакова, деяния и наблюдения; в двузначной логике эта противоречивость абсурдна и невозможна. Художественно это еще раз подчеркивается разговором жены с Евсеем. Пытаясь успокоить мужа, она представляет пришельца лишь одним из многих идущих из деревень в города. И слышит в ответ беспокойный вздох мужа: «То-то и есть, что идут» (XVIII, с. 98). Внешнее движение нарушает внутренний строй души умного человека слабого здоровья. Думы о пришельце приковывают его к постели, и он умирает. Ближний же план изображения нового хозяина, впитавшего в себя что-то от мощи безбрежных степей, олицетворяет всю стремительно капитализирующуюся Россию. Часть превращается в целое. Интуитивно прозревая это, Баймаков говорит не о смене хозяев Дремова, но о смене хозяев на земле. Прежний и новый хозяин образуют здесь разведенную во времени, но соединенную причинно-следственными отношениями пару, или дипластию. Далее под дипластией мы будем понимать пару противоположностей, соединенную одними отношениями и разделенную другими. Дипластия — это то, что связывает оппозицию, не дает ей рассыпаться, привести к победе одной из сторон. Существование дипластики может быть длительным или кратковременным.

Широкое применение оппозиций при исследовании художественного текста в литературоведении было начато в рамках московско-тартуской школы такими учеными, как Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, С. Ю. Неклюдов, В. М. Топоров. Вместе с тем метод оппозиций схематизирует и реальную сложность жизни и отражающей ее литературы. Зачастую в художественных произведениях самым интересным оказывается некоторое среднее звено между противоположными парами. Не свое или чужое, а некоторое общее и ничье, не дух или плоть, а душа, равно причастная к крайностям своих противоположностей, не верх или низ, а одновременная устремленность человеческой души в обе стороны

сразу, взлет, который на самом деле является падением. В конкретике исследований художественного текста всегда сталкиваешься с этим «третьим лишним», мешающим чистоте выделяемых в тексте оппозиций. В горьковском повествовании ни Евсей Баймаков с Ильей Артамоновым, ни хозяин Илья Артамонов и его рабочие не образуют таких чистых оппозиций. Рабочие Артамонова видят в нем своего, особенно удачливого мужика. Поэтому представляется необходимым говорить не о дипластии, соединении и противоборстве двух полюсов, а о трипластии, показывающей возможные варианты развития среднего неопределенного звена.

Так, оппозиция дремовцы — пришлые оказывается не дипластией, а трипластией. Появляются средние звенья, связанные и с дремовцами, и с пришлыми, — это жены и любовницы Артамоновых. Дом Ульяны Баймаковой, коренной дремовки, становится местом жительства пришлых Артамоновых. Следовательно, и пространственно нам дана не дипластия, а трипластия. Хозяйка дома не сразу соглашается на свадьбу своей дочери неведомо с кем. И строго отчитывает Наталью за разговор с Петром: «Хоть он и благословенный тебе, да еще — либо дождик, либо снег, либо — будет, либо — нет...» (XVIII, с. 105). В «Жизни Клина Самгина» мы тоже видим не дипластию «революционеры — консерваторы», а трипластию, где средним звеном становятся обыватели, лишние для двух крайних сил. И «дом Самгиных был одним из тех уже редких в те годы домов, где хозяева не торопились погасить все огни», и посещают этот дом разные люди, но «они все были похожи друг на друга, как солдаты одной и той же роты» (XXI, с. 12).

Как говорит большевик Кутузов, выступающий от большинства партии, но не от большинства населения, «до нее (революции. — В. В.) некоторые, наверное, превратятся в людей, способных на что-нибудь дельное, а большинство — думать надо — будет пассивно или активно сопротивляться революции и на этом погибнет» (XXII, с. 443). У обоих совершенно разных героев одна и та же двузначная логика, отрицание и взаимодействие противоречивых начал в которой может быть пояснено таблицей, где истина обозначена как 1, а ложь — как 0:

A	не-A	A и не-A
0	1	0
1	0	0

В «Жизни Клина Самгина» эта ложная двоичная система символически заявлена сразу тем, что доктору Сомову ребенок Клима кажется единицей, а его братишка — нулем. На самом же деле соотношение

оказывается обратным, но мнимая значительность Клима, маска передового человека, надетая им на себя, заставит его исполнять поручения революционеров, желать их гибели и ждать революции. Это, конечно, можно охарактеризовать как состояние неопределенности. Мальчик, которого дети будут дразнить клином, не подозревает, что эта «дразнилка» окажется символичной, он всегда в расщепе, в среднем звене между противоположностями. На уроке истории у Томилина Клим и Дронов знакомятся с более сложной логикой, когда свои идут против своих: «Святой, благоверный Александр Невский призвал татар и с их помощью начал бить русских» (XXI, с. 44). Это уже троичная логика, допускающая существование неопределенности, но не допускающая сосуществования противоположностей. Этому условию отвечает логическая система Гейтинга, где неопределенность (1/2) — среднее положение между истиной (1) и ложью (0) — возможна, а противоречие — нет. Отрицание и взаимодействие противоположностей в логике Гейтинга можно пояснить таблицей:

A	не-A	A и не-A
0	1	0
1/2	0	0
1	0	0

Конъюнкция (логическое умножение, союз «и») понимается как минимум двух возможностей. Эта логическая система прекрасно иллюстрирует само течение времени. В момент настоящего времени прошлого уже нет, а будущего еще нет. Считая настоящее неопределенностью, мы видим, что оно каждый раз отбрасывается в прошлое и оказывается ложным. В положении неопределенности между борющимися лагерями оказываются провокаторы (A и не-A) и люди, равно чуждые каждому лагерю (некое исключенное третье, отличное от обеих противоположностей).

Такому герою, как Клим Иванович Самгин, вполне хватило бы и одной баррикады. Но его дом оказался между двумя баррикадами. Горький великолепно показал, что революция вовлекает в свое движение посторонних и даже враждебно относящихся к ней людей. Обыватели помогают обустроить баррикаду, а Самгин выступает в качестве связного. Исчезновение баррикад приводит к тому, что между людьми возникают невидимые «стены отчуждения» (XXIII, с. 105). Тем самым логика Кутузова тоже опровергается: основная масса исходит не из будущего положения вещей и явлений, а из настоящего течения дел. Именно над будущим повисает облако неопределенности.

В день, когда поджигают баррикады, Варвара, супруга Клима Самгина, пытается познакомить мужа с мудростью, которую она почерпнула из уст Прейса и Тагильского. Фраза Прейса о благодарности «власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной» (XXIII, с. 95), имеющая источником статью М. О. Гершензона из сборника «Вехи», начинает опровергаться сразу же после ее сообщения. «Охранники» кричат обывателям, чтобы они закрывали двери и окна, обещая в противном случае открыть огонь. Оценку «охране» немедленно дает и сама Варвара, когда ее обыскали и ограбили: «Мерзавцы! И это — защитники!» (XXIII, с. 104). Ограбили ее солдаты, но у них тут же отнимают добычу казаки («грабь награбленное»). Эта объективная противоречивость «защитников» оказывается сцепленной со сращиванием признаков животного и человека: «Тяжелыми прыжками подскакал рыжий конь и, еще более оскалив зубы, заржал: “Эт-то что за ракальи? Кто командует?”» (XXIII, с. 104).

По-своему, по-женски оказывается в состоянии неопределенности и основная героиня «Дела Артамоновых». Дело женщины — творить детей, и здесь, в своей собственной сфере, Наталья признает правоту мужчин, требующих наследника, чувствует себя виноватой, просит у Бога сыночка. Но вдруг наступает сбой, и ей хочется «крикнуть мужу и свекру: “Нарочно, назло вам буду девочек родить!”». Но это «назло» и собственной просьбе, наперекор своей молитве и, значит, отчасти и против Творца тоже. Она далеко не сразу становится «домашней машиной», как потом стал называть ее муж. Любопытна двойная характеристика крепостного права, данная Ильей Артамоновым: «Живет человек, а будто и нет его. Конечно, и ответа меньше, не сам ходишь, тобой правят. Без ответа жить легче, — да толку мало» (XVIII, с. 103). Крепостное право — время однозначной логики для управляемых. Но тот же тип характера складывается у Ольги Орловой, социальной полукровки, дочери помещицы и часовщика, ставшей женой Алексея Артамонова. Муж говорит о ней, что она слепа «на тот глаз, который плохое видит». Поэтому обижать ее грех: «она плохого не видит, злomu не верит» (XVIII, с. 269).

Кажется, что сам Илья Артамонов прозрел истину, свою предназначенность для простой работы. Он видит вокруг себя плохих и хороших людей, сам не без греха, но он верит, что мир изменяется к лучшему. Раньше он не только боялся делать по-своему, но «и думать не смел, как бы свой разум не спутать с господским», а «теперь всяк должен показать себя, к чему годен». Мыслит он в рамках двузначной логики, теперь, когда «дворянству конец подписан», можно и думать, и делать по-своему. Он советует сыновьям запомнить, что теперь «они сами дворяне» (XVIII, с. 103–104). Но его высказывания, его деяния

сосредоточены на моменте настоящего времени. И отождествление себя с новыми дворянами неслучайно подано вблизи конца эпохи. Это делает проблематичным и будущий ход дела, и само существование «новых дворян».

По предположению Я. Лукасевича, высказывания о будущем не являются ни ложными, ни истинными, а неопределенными. Исходя из этой интерпретации, он и построил свою трехзначную логическую систему. Она допускает равенство противоположностей в одном из трех случаев. Равенство противоположностей предполагает возможность цикла. Для логики Лукасевича отрицание и взаимодействие противоположностей даются следующей таблицей:

A	не-A	A и не-A
0	1	0
1/2	1/2	1/2
1	0	0

Истина здесь, как и прежде, обозначена как 1, ложь как 0 и неопределенность как 1/2.

Мы видим, что в одном из трех случаев противоречие допустимо. В этой средней строке таблицы наблюдаем мы и уравнение противоположностей, постоянно возникающее в художественном мире «Дела Артамоновых», и предполагающее его циклическое возрождение. Это своеобразная вероятностная пульсирующая вселенная, предполагающая три измерения времени (прошлое, настоящее, будущее). Отрицание неопределенности в данной точке художественного хронотопа «Дела Артамоновых» и есть отрицание настоящего положения вещей.

В шутовском присловии Алексея, пляшущего на свадьбе, тоже заключен необратимый ход времени, урок, данный отцом, уже отложился в частушке: «У барина, у Мокея, / Было пятеро лакеев, / Ныне барин Мокей / Сам таков же лакей» (XVIII, с. 117). Тема лакея и хозяина, взаимообратимости их ролей проходит через весь роман. На своей шкуре почувствует Петр Артамонов, что такое быть хозяином и рабом дела. Это толкнет его к возмущению против навязанной человеку роли.

Бунт Петра Артамонова на ярмарке имеет отношение к хвастовству его отца об их делах, идущих, как солдаты, к просьбе брата Алексея отдать его в солдаты. После пьяного кутежа и нравоучений Алексея, учившего старшего брата жить, Петр обращает внимание на солдатский выговор слуги, дает ему рубль и советует: «А ты — не повинуйся. Пошли всех к... а сам торгуй мороженым» (XVIII, с. 271). Солдат

не имеет выбора. И бунт Петра — это выступление против однозначной логики, против самого себя.

Но это сейчас же сеет сомнения: раз уж лакей не должен повиноваться, тогда он, хозяин, тем более. Но повинуется и среде, и делу. И возникает законный вопрос: «Хозяин я или нет?». Но в однозначной логике нет и не может быть раздвоения. И тогда Петр увидел человека, который мешает ему жить, очень похожего на него и на покойника. Это смешение реальности и иллюзии, живого и мертвого — попытка перескочить из однозначного сразу в трехзначный мир, допускающий противоречия, оказывается слишком сложной для Петра Артамонова. Двойник, по мысли Петра, погубил его, а теперь жалеет. Это становится невыносимым. Ему кажется, что он убивает своего двойника, тогда как на самом деле он лишь разбивает зеркало. Далее раздвоение всех окружающих приобретает тотальный характер: он видит раскалывающихся надвое людей и одноглазую старуху, что «в одну и ту же минуту сгибалась, поднимая самовар, и стояла прямо» (XVIII, с. 271), становясь тем самым воплощением и бунта, и смирения, течения времени и его неподвижности. И все господа настоящего момента оказываются лакеями стремительного и непредсказуемого хода времени. Как ни хорошо подготовлен сын Алексея Мирон к деятельности фабриканта, история идет несколько быстрее, чем он способен отреагировать на ее изменения. Отсюда его страх: «Казалось, он боится времени, как слуга — старого хозяина. Но только этого он и боялся...» (XVIII, с. 267). Горький связывает ускорение хода времени с отсутствием противодействия во внешней среде. Забыв о своем двойнике, расставшись со взбунтовавшимся сыном, наблюдая фабрику, на которой «все работало, как заведенное на века», Петр Артамонов попадает в поток времени, где «быстро, точно облака, гонимые ветром, плыли месяца, слагались в годы» (XVIII, с. 276).

Илье-старшему отведен весьма короткий срок свободной и своей хозяйственной жизни: «Илья Артамонов все более бешено торопился развить и укрепить свое дело, он как будто предчувствовал, что срок его — не велик» (XVIII, с. 154). Возможное предчувствие, явно ничем не выраженное, не обманывает героя. Явно выражено другое — хвастовство персонажа, его расчет работы «на триста лет». Очень важна в романе трипластия между ткачами Морозовыми и хозяевами Артамоновыми. Она резко обозначается на финальном излете деятельности Ильи Артамонова. В яркий весенний день «вымытый, как покойник» древний ткач Борис Морозов заявляет: «Глядите, — девяносто лет мне, девяносто с лишком, нате-ко! Солдат, Пугача бил, сам бунтовал в Москве, в чумной год, да-а! Бонапарта бил...» (XVIII, с. 155). Качающийся маятник истории: был за угнетателей, был с угнетенными,

но сражался за Родину. Однако знаменательна оговорка, как всегда и везде у Горького, превращаемая в поговорку. На дворе примерно 1872 год. Имей старик даже столетний возраст, в годы пугачевского восстания (1773–1775) он был бы младенцем. А если предположить, что он действительно бил Пугача, то сейчас ему было бы лет сто пятнадцать. Старикам психологически свойственно преувеличивать свой возраст, но Борис или врет, или преуменьшает его.

Тень на истинность его воспоминаний бросает не оправдавшееся предсказание Илье Артамонову «долго жить», сделанное как раз накануне смерти хозяина. Он говорит, что удача для Ильи — «законная жена, а не любовница», но в реальности у Ильи нет законной жены, а есть любовница, и поэтому по обратной ассоциации будет у Ильи с удачей именно то, что отрицает предсказатель, — «побаловала, да и нет ее». Но тем самым оправдывается другое заявление древнего ткача: «У скольких хозяев жил, все примерли, а я — жив!» (XVIII, с. 155). И Илья Артамонов попадает именно в этот ряд «примерших» хозяев жизни. По существу, мы не можем назвать реплику старика о своем возрасте ложной, ведь этот излишек над девятью десятками может быть любым. Хозяин не остался без ответной речи и пообещал сделать ткача управляющим, при этом поднял его на руках в воздух и назвал «робенком». Излишек времени становится отрицательным. Но это оправдывается тем, что потомок Бориса Захар Морозов возглавит ткачей в революционное время, а внук Артамонова Илья-младший окажется в рядах большевиков. Мы видим, что художественно возраст ткача плывет, не закрепляясь ни на какой отметке, метафорически скелет и покойник, он в то же время еще и ребенок. Над действительными и мнимыми хозяевами «дела» нависает густая тень неопределенности. Этот последний отрезок жизни Ильи Артамонова между жизнью и смертью становится сосуществованием противоположностей будущего и прошлого, управляющего и управляемого, хозяина и работника. Не случайно последнее дело Артамонова — доставка к фабрике парового котла — напоминает поход ватаги разбойников. Это снова переплетается с убийством Ильей в одну из ночей беглого солдата. Котел очеловечивается Горьким через восприятие сына Ильи Никиты, который видит, «как его круглая пасть дохнула в ноги отца серой пылью» (XVIII, с. 156). Илья умирает, надорвавшись на подъеме котла, вдруг поведшего себя не так, как ему предписано по однозначной логике. Умирая, герой горько сожалеет о какой-то своей большой ошибке. Несомненно, эти сегования относятся не к собственно нерасчетливости в недавней работе. Как и самым последним нашим реформаторам и преобразователям, ему не хватило времени обдумать простую русскую поговорку, что лишь надеяться надо на лучшее, а рассчитывать — на худшее.

Несомненно, что жест Ильи Артамонова, легко поднявшего на руки старика Морозова, воплощающего весь многоликий народ, всю русскую историю, глубоко символичен: управляемые должны стать управляющими. Этой задачи хватит еще на долгое время. Клим Самгин, несомненно, дожид до начала частичного ее разрешения. Ненавистник толпы, массы, народа, он увлечен этой стихией, втягивается в нее. Во время похорон Баумана он наблюдает некое «единение сословий» и вполне согласен с тем, что это «хоронят революцию», торжествует однозначная логика господ победителей, и Самгин решает написать статью о «разумнейшей работе истории» (XXII, с. 663–664). Но единение и победа одних над другими — вещь мнимая. Неслучайно участвующий в шествии провокатор Митрофанов говорит о «двуязычном» человеке в окружении Клим, помешавшем ему сделать карьеру. Самгин отвечает, что он ошибается. Однако знает, что лжет. Этот «двуязычный» человек — провокаторша Никонова, принявшая Митрофанова за сочувствующего революционерам. Тем самым под сомнение ставится и мысль о «разумнейшей работе истории». Очень скоро промежуточное положение закончится для обоих провокаторов гибелью. И если бы только их одних!

В «Жизни Клим Самгина» перед фантастическими картинами Босха Самгин испытывает острое «желание повторить работу художника» (XXIV, с. 13). Разумеется, не в живописных полотнах, но в мысли. И мысли Самгина предваряют сообщение тяжелобольного Долганова: «Взорвали дачу Столыпина. Уцелел. Народу перекрошили человек двадцать. Знакомая одна — Любимова — попала...» (XXIV, с. 16). Грязноватая работа истории идет в том же безумнейшем направлении и наносит ответный удар по памяти Клим, которая теперь соединяет в одно Любимову и Никонову. И это никак не мотивируется. Происшедшее так же произвольно, как и фантазия Босха. Взрыв как бы произошел во внутреннем мире персонажа, и расщепленные частички памяти соединились в каком-то ином порядке. Итак, история повторима и познаваема. Но повтор всегда другой, повтор с противоречием в объекте познания, повтор с возрастанием абсурда, повтор, отвечающий мыслям вроде бы подчиненного субъекта и тем не менее вышибающий из него память, а потом и саму жизнь.

